Денис Старый

Завет Петра 13

Мировая война

Денис Старый

Завет Петра 13. Мировая война

«Автор»
2026

Старый Д.

Завет Петра 13. Мировая война / Д. Старый — «Автор», 2026

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.Вот только сначала нужно не дать себя добить.

© Старый Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 25
Глава 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Денис Старый
Завет Петра 13. Мировая война

Название: Завет Петра 13. Мировая война
Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Дворец султана
Султан умирал

Ахмед III, султан османов, государь Константинополя, Адрианополя, Бурсы, Дамаска, Каира и ещё такого количества земель, что полный перечень его титулов занимал бы немало времени. Почти столько, как и титул русского императора. В этом они, как впрочем и во многом другом, Ахмед был похож на императора Петра.

Султан так же хотел провести модернизацию, правда не отказывал себе в роскоши, много внимания уделял строительству не верфей, заводов, а архитектурных ансамблей. Он так же перестраивал армию, но в отличии от Петра, не уничтожил своих янычар-стрельцов, которые продолжали диктовать собственную волю даже и султану.

Так что, скорее всего, был человеком слабее, чем Петр Алексеевич, многое хотел, но большую часть не смог.

И вот теперь нужно было за это платить. За то, что кровь не пролилась на площадях Константинополя, что самолично не рубил головы. Что не смеялся над церковью во время пьяных ассамблей, а был вынужден угождать всячески духовенству. Что не перенес свою столицу и не взял к себе на службу сотни иноземцев, чтобы они двигали страну на пути модернизации и учили русских людей продолжать это дело.

В истории часто так происходило, что те, кто не решился на жестокость, потом сильно проигрывали. Нет в жизни черных и белых, абсолютного добра, хотя зло абсолютное есть.

И теперь этот человек, волей Аллаха получивший свой камень на шее в виде правления в сложнейший для Османской империи период, лежал на широкой постели и уже почти не походил на человека, чьего слова ещё вчера было достаточно, чтобы десятки тысяч людей отправились на войну.

Властитель огромной империи теперь не мог самостоятельно повернуть голову. Дыхание выходило из груди с влажным хрипом, задерживалось, заставляя всех в комнате невольно переставать дышать вместе с ним, а затем возвращалось коротким судорожным всхлипом. Каждый такой вдох казался последним, каждый следующий — почти чудом, и это продолжалось уже настолько долго, что окружающие перестали понимать, чего хотят больше: ещё одного вдоха или конца этой пытки.

Он то терял сознание, то возвращался. Глаза султана молили о пощаде, но было поздно. Те, кто это сделал уже мертвы, а больше... Ну только что волей Аллаха. Ахмед боялся смерти, уже не думал о том, что его страхи видны всем вельможам.

В покоях стояла тяжёлая духота. Окна были прикрыты, хотя за ними уже серело предрассветное небо: никто не хотел, чтобы случайный человек во внутреннем дворе увидел непривычное движение или услышал голоса. Горели свечи и масляные светильники, от их жара воздух становился ещё тяжелее, а к запаху воска примешивались благовония, уксус, пот, кровь и резкая горечь лекарственных настоев.

На низких столиках теснились серебряные чаши, пузырьки, ступки, окровавленные полотенца, ложечки и европейские медицинские инструменты, назначение которых большинство присутствующих не понимало и потому боялось ещё сильнее. Всё великолепие султанских покоев — изникские изразцы, дорогие ковры, золочёная резьба, каллиграфические строки из Корана — превратилось в декорацию вокруг одного-единственного предмета: ложа, на котором умирал человек.

За жизнь Ахмеда боролись пять врачей, четверо из которых были европейцами. Вернее, теперь уже почти не боролись — они оттягивали неизбежное и прекрасно это понимали. И они

хотели жить. Еще минуту... две... может произойдет чудо? Человек, осознающий неизбежное, может только верить в чудо.

Ещё несколько часов назад доктора спорили, перебрасывались словами на итальянском, французском и ломаном турецком, требовали кровопусканий, компрессов и настоев, считали пульс, меняли повязки, пытались облегчить дыхание. Теперь говорили мало. Всё, чему их учили университеты, наставники и собственный опыт, было испробовано, а тело султана продолжало медленно сдаваться.

Седой европеец с длинным худым лицом и красными от бессонницы глазами снова приложил пальцы к запястью Ахмеда и держал их там слишком долго. Остальные врачи смотрели уже не на больного, а на его лицо, пытаясь прочитать ответ прежде, чем он будет произнесён.

Наконец лекарь убрал руку, но ничего не сказал. Его пальцы заметно дрожали. Глаза наполнились ужасом. Надежды почти не осталось, и всё же врачи продолжали работу хотя бы потому, что остановиться означало признать поражение, а признать поражение возле ложа османского султана было опасно не только для врачебной репутации.

Никто из европейцев до конца не представлял, что произойдёт с ними после смерти повелителя. Возможно, ничего. Возможно, им заплатят и отпустят. Возможно, следующий султан захочет узнать, почему лучшие врачи столицы не спасли его предшественника. А возможно, кому-нибудь просто понадобится виновный.

В Османской империи расстояние между мешком золота и шёлковым шнуром иногда измерялось одним неудачным ответом.

Поэтому седой лекарь вновь потребовал горячей воды, другой растирал султану руки, третий держал возле его губ маленькое металлическое зеркало, всматриваясь, появляется ли на поверхности хотя бы слабейшее облачко. Дворцовый врач шептал молитву и одновременно считал удары пульса. Пятый что-то растирал в чаше, хотя уже, наверное, сам не верил, что содержимое этой чаши способно изменить хоть что-нибудь. Когда знания оказывались бессильны, каждый обращался к своему Богу, и на короткое время мусульманин, католики и православные оказывались удивительно похожи друг на друга.

Это бала драма, что вот-вот превратится в трагедию. Жестокий реалистичный театр, хотя некоторые присуствующие все еще не осознавали, что это и есть реальность. Что будет после? Не знали ни врачи, ни люди, которые были верны султану.

У стены неподвижно стояли те самые верноподданные, которые не имели права показать страх. Кызляр-ага, глава чёрных евнухов и один из самых могущественных людей султанского дворца, казался высеченным из тёмного дерева. Только глаза выдавали его: они постоянно двигались — султан, врачи, дверь, придворные, снова султан.

Рядом находились несколько высших дворцовых сановников, начальники внутренних служб, представители улемов, секретари, которым пока нечего было записывать, и несколько доверенных слуг. Никто не говорил громко. Даже шелест одежды казался неприличным, словно слишком резкий звук мог оборвать тончайшую нить, всё ещё связывавшую Ахмеда с жизнью.

Особенно тяжело ощущалось отсутствие Великого визиря. Он был далеко, на Дунае, вместе с войском, и в обычное время это означало бы лишь то, что государством временно управляют другие руки. Сегодня его отсутствие превращалось в дыру посреди дворца.

Здесь имелись люди древнее родом, богаче, знатнее, ближе к султану, но не было того, на кого можно было без колебаний переложить главное решение. Если Ахмед умрёт, кто-то должен первым произнести имя следующего государя, послать людей за наследником, взять под контроль ворота, казну, арсеналы и янычарские казармы. Кто-то должен поставить Константинополь перед свершившимся фактом раньше, чем Константинополь сам решит, кого хочет видеть на троне.

Кто? Тут присутствующие терялись. Каждый из них считал, что он может это сделать.

А город лежал сразу за дворцовыми стенами. Огромный, многолюдный, голодный до слухов и совершенно не умеющий хранить тайны. Несколько сотен тысяч людей, тысячи лавок и мастерских, мечети, пристани, кофейни, рынки, янычарские казармы, греческие и армянские кварталы — достаточно одному слуге проболтаться родственнику, одному евнуху купить что-нибудь у знакомого торговца, одному лекарскому помощнику выйти через неправильные ворота, и к полудню о смерти султана будут рассказывать уже на другом конце города. Причём каждый — свою версию.

Издалека донёсся глухой удар. Вероятно, закрылись какие-то ворота. Несколько человек одновременно повернули головы, после чего поспешили сделать вид, будто ничего не произошло.

— Как долго? — наконец спросил один из сановников. – Не нужно уже скрывать. Все и так понятно, пусть и все в воле Аллаха.

Седой врач сделал вид, что не понял.

— Сколько ещё? Или твоя борода окажется в моей руке вместе с головой, а тело я отшвырну прочь, – взревел ага янычар.

Европеец посмотрел на него. Ответить честно не решился.

— Аллах милостив.

Это был ответ.

Он отступил от постели и приблизился к кызляр-аге. Несколько мгновений оба молчали, смотрели на тяжело дышащего воина рядом. Говорить о следующем султане, пока нынешний ещё дышал, было почти изменой; не говорить о нём сейчас было изменой Империи.

— Нужно готовиться, — едва слышно произнёс сановник-евнух.

Он даже не повернул головы.

— К чему?

— Вы понимаете.

— Падишах жив. Презренная ты собака! – взревел янычар.

— Пока, – спокойно ответил евнух.

Кызляр-ага медленно повернулся. В комнате ничего не изменилось: врачи продолжали работать возле постели, служители стояли у стен, за окнами медленно рождалось утро. Но между двумя людьми словно обнажили клинок.

— Следи за словами. Или я убью тебя, – продолжал впадать в неистовство ага.

— Я слежу за Империей, — так же тихо ответил сановник. — Великий визирь на Дунае. Если государь умрёт и город узнает об этом раньше, чем на троне окажется другой Осман, мы получим не наследование. Мы получим янычаров на улицах. Твоих янычар! Нужно послать за шехзаде.

Имя он не произнёс. Не требовалось.

Махмуд.

Сын Мустафы II, племянник умирающего Ахмеда и один из старших мужчин дома Османов. Человек, который почти всю сознательную жизнь провёл за стенами дворцового кафеса и каждое утро просыпался, не зная, станет ли когда-нибудь повелителем огромной империи или состарится в нескольких роскошных комнатах, из которых ему никогда не позволят выйти свободным человеком. Совсем рядом, в пределах одного дворца, находился человек, который мог через час стать султаном, и сам ещё ничего об этом не знал.

По старому обычаю Османов всё было бы одновременно проще и страшнее. Когда-то смерть государя означала начало кровавого счёта внутри самой династии. Победивший претендент получал вместе с троном право устранить тех, кто завтра мог стать знаменем мятежа. Шёлковый шнур не проливал священной крови дома Османов, а потому братья нового султана один за другим исчезали за закрытыми дверями. Мехмед III когда-то приказал задушить

девятнадцать собственных братьев. Девятнадцать принцев. Девятнадцать тел, вынесенных из дворца. Даже спустя больше столетия эта память никуда не исчезла.

Но времена изменились. После Ахмеда I престол всё чаще переходил к старшему мужчине династии, а потенциальных претендентов больше не уничтожали автоматически — их запирали. Так появился кафес. Милосердие новой эпохи оказалось весьма османским: человеку сохраняли жизнь, но взамен могли забрать у него двадцать или тридцать лет. Он ел с золотой посуды, спал на шёлке, слушал музыку, видел женщин и слуг, но не мог сделать десятка шагов без разрешения тех, кто сторожил его двери.

И теперь в кафесе ждал Махмуд. А в другой части дворца находились сыновья Ахмеда.

При мысли о них евнух невольно посмотрел в сторону дверей, за которыми начинался скрытый от большинства мужчин мир гарема. Там тоже не спали. Там новости не требовали официальных гонцов: достаточно было увидеть, сколько раз за ночь пробежал евнух, сколько воды потребовали врачи, кого внезапно вызвали к султану и какие лица стали у служанок. Матери шехзаде сидели возле своих детей и слушали шаги за дверями. Кто-то молился. Кто-то беззвучно плакал. Кто-то уже понимал, что вместе с последним вдохом Ахмеда закончится и их прежняя жизнь.

Мустафе было десять лет. Ребёнок, который ещё вчера являлся сыном правящего султана, но именно поэтому после смерти отца становился опасен. Не сам по себе — десятилетний мальчик не мог захватить дворец или поднять янычаров. Опасным было его имя. В минуту смуты ребёнку не обязательно желать трона, чтобы другие захотели посадить его на этот трон. Достаточно одному янычарскому орта, одному влиятельному паше или нескольким улемам объявить, что сын Ахмеда имеет больше прав, чем его двоюродный брат, — и мальчик превратится в знамя гражданской войны прежде, чем поймёт значение слова «война».

Сегодня утром Мустафа мог проснуться сыном повелителя мира, а меньше чем через час стать узником. Его комнаты сменятся другими комнатами, двери начнут запирать снаружи, число слуг уменьшится, каждый разговор будут слушать, каждое письмо — читать. Если новый султан окажется милостив, мальчик проживёт. Возможно, когда-нибудь даже сам получит трон. Если окажется подозрителен — Мустафа проведёт жизнь в ожидании шагов за дверью. А если в минуту опасности кому-нибудь вдруг покажется, что старые обычаи были всё-таки надёжнее новых...

Никто во дворце не забывал, для чего использовали шёлковые тетивы.

— А сыновья? — спросил сановник.

Кызляр-ага сразу понял.

— Что сыновья?

— Их нужно взять под охрану прежде, чем объявят о смерти.

— Государь ещё жив.

— Если начнутся беспорядки, любой из них станет знаменем. Их нужно изолировать.

Кызляр-ага долго молчал. Слово «убить» не прозвучало, но оба о нём подумали. В старые времена именно так и решили бы проблему — быстро, надёжно и чудовищно. Сейчас времена были другими, но люди оставались людьми, страх оставался страхом, а Империя всё так же не любила оставлять возле трона слишком много возможных государей.

Сановник первым отвёл глаза.

— Запереть. Только запереть.

Почему-то после этих слов стало ещё страшнее.

И именно в эту минуту один из врачей резко выпрямился.

Разговор оборвался.

Ахмед открыл глаза. До этого они долго оставались полузакрытыми, мутными, почти ничего не видящими, но теперь в них на несколько мгновений вернулось сознание. Седой европейский врач мгновенно наклонился к нему, дворцовый лекарь оказался с другой стороны

постели. Султан смотрел куда-то вверх, потом его взгляд медленно поплыл по комнате, задерживаясь на лицах окружавших людей, словно Ахмед пытался понять, почему все они здесь собрались.

— Великий падишах?

Губы султана шевельнулись.

Никто не разобрал слов.

— Отдайте все?.. Кому? – всполошился ага янычар.

Врач наклонился ниже, почти коснувшись ухом его губ. Возможно, Ахмед назвал имя. Возможно, попросил воды. Возможно, произнёс молитву. Позже несколько присутствующих будут утверждать, что слышали последние слова султана, и каждый запомнит их по-разному.

— Я не могу разобрать, – сказал доктор.

— Пошел прочь, свиная морда! – выкрикнул янычар, отталкивая старика-лекаря с такой силой, что тот упал на пол.

— Нечестивое животное не поминай! – потребовал мулла, до того не прерывавший молитвы в углу.

Ага хотел и ему что-то сказать, но вовремя опомнился.

— Прости, – повинился воин.

В ту же секунду Ахмед попытался вдохнуть.

Не смог.

Лицо исказилось, пальцы слабой рукой вцепились в покрывало. На одно мгновение исчез султан, исчез повелитель правоверных, исчез человек, перед которым склонялись паши, муфтии и иностранные послы. Остался пожилой мужчина, внезапно понявший, что ему не хватает воздуха.

И он испугался.

Это оказалось страшнее всего. Люди возле постели увидели в глазах своего повелителя настоящий человеческий страх — тот самый, который испытывает нищий, солдат, раб, султан, любой человек, когда вдруг понимает, что сейчас умрёт. Перед этой последней чертой не существовало ни трона, ни титулов, ни дворцов.

Седой врач схватил Ахмеда за плечи, другой попытался приподнять его, третий поднёс к губам чашу. Дворцовый лекарь выкрикивал распоряжения. Кто-то потребовал открыть окно, другой тут же приказал его не трогать. Серебряная чаша упала на ковёр, расплескав тёмную жидкость, один из слуг бросился её поднимать и тут же застыл на коленях, поняв, насколько нелепым стало его движение.

— Дышите, государь! Дышите!

Никто не заметил бессмысленности этих слов.

Ахмед снова попытался вдохнуть.

На этот раз воздух вошёл. Глубоко, с хрипом. Грудь поднялась, и все замерли.

Султан выдохнул.

Следующего вдоха не было.

Несколько мгновений никто этого не понимал. Все ждали. Прошла секунда, другая, третья. Седой врач приложил пальцы к шее султана, второй схватил его за запястье, дворцовый лекарь приблизил к губам металлическое зеркало. На блестящей поверхности ничего не появилось.

— Ещё раз, — прошептал кто-то.

Врачи продолжали. Растирали грудь, приподнимали голову, пытались что-то влить в рот уже мёртвого человека. Один из европейцев потребовал инструмент, другой помог ему, хотя по его лицу было видно, что он уже всё понял. Они продолжали не потому, что надеялись вернуть Ахмеда. Просто первым остановиться никто не хотел. Первым остановиться означало первым признать перед всей комнатой: султан умер.

Наконец седой врач медленно выпрямился. Лицо у него стало серым. Он посмотрел на дворцового лекаря, тот ещё раз коснулся шеи Ахмеда, затем поднял глаза на кызляр-агу и едва заметно покачал головой.

Этого хватило.

Один из присутствующих опустился на колени и прошептал шахаду. Другой закрыл лицо ладонями. Кто-то беззвучно заплакал. Один из старых слуг так и остался стоять у стены, глядя на мёртвого государя совершенно пустыми глазами. Кызляр-ага не пошевелился, но словно за несколько мгновений постарел на десять лет.

Ахмед III был мёртв.

И именно поэтому первые минуты после его смерти оказались дороже золота.

— Закрыть двери, — произнёс кызляр-ага.

Стражники повиновались.

— Из этих покоев никого не выпускать. Никого. Внутренние ворота взять под охрану. Караулы не менять без приказа. Врачи остаются здесь.

Последняя фраза заставила четверых европейцев переглянуться.

— А город? — спросил кто-то.

— Государь жив.

Несколько человек подняли глаза.

Кызляр-ага медленно оглядел их.

— Для города государь жив.

Теперь все поняли.

Смерть Ахмеда должна была остаться внутри этой комнаты хотя бы ненадолго. Не на день — никто не надеялся на невозможное. Даже несколько часов в таком дворце были роскошью. Нужен был хотя бы один час. Всего один час, чтобы привести Махмуда, поставить под охрану остальных шехзаде, известить тех, кого необходимо известить, и только после этого предъявить Константинополю нового повелителя прежде, чем город успеет осознать, что старого больше нет.

Сановник приблизился к кызляр-аге.

На этот раз говорить о наследнике уже не было изменой.

— Махмуд.

Евнух кивнул.

— Идите за шехзаде Махмудом.

Все соглашались, да, но многие пятились назад. Они не хотели вот так... это почти что бунт, нужно рассказать людям, нужно, чтобы конкурентов смели. А другие не хотели Махмуда. Уж слишком дерзко и уничижительно они относились и не скрывали этого к наследнику.

Замешательство....

— Ба-бах! – раздались взрывы, внося свою лепту в наростающий хаос.

А где-то в Босфоре под красным полотнищем с полумесяцем шёл русский фрегат.

Константинополь мог взорваться. Не образно. Теперь уже буквально.

Искра уже упала.

От автора:

Адвокат-решала вернулся в свои 20 лет с багажом опыта из будущего — и теперь ломает дикие 90-е через колено! Жестко, смешно, дерзко!

https://author.today/reader/622289/5947552

Глава 2

Босфор.

9 апреля 1727 года.

Два русских фрегата. Один напротив Константинополя, другой у входа в Босфор, все еще находились на водной глади, которая начинала волноваться. Впрочем, волнение это было повсеместно, пусть и не знал капитан Кирьянов, как именно волнуются в столице Османской империи. Особенно прямо сейчас и рядом, во дворце.

Не знал капитан, что уже перешагнули противоборствующие страны ту черту, за пределами которой только экзистенциальная война, на уничтожение государственности одной из сторон. Он только выполнял свой долг, не его это, – стратегически думать. Пока... ведь молодой капитан уже выделялся острым умом.

— Василий Петрович...

Кирьянов обернулся. Захар Лукич, его помощник, смотрел уже не на крепость, а куда-то далеко за порт.

— Что?

— Взгляните туда.

Помощник показывал туда, где за лесом мачт поднимались крыши Стамбула, а выше них громоздились купола и минареты. Кирьянов поднял трубу. Над городом уже занимался рассвет, и в его свете Стамбул постепенно обретал краски: серые стены, красноватые черепичные крыши, белый камень мечетей, свинцовые купола. Над Серальным мысом зеленели сады султанского дворца. Несколько мгновений капитан ничего необычного не видел, а затем заметил между домами тонкий чёрный столб.

— Пожар? — произнёс он. – Или это утренняя дымка?

— Точно не туман...

Неделями ранее в столицу Османской империи под видом греческих купцов, армянских грузчиков, молдавских матросов и беглых невольников проникли небольшие диверсионные группы. Их задачей было не взять город — такое было бы безумием, — а ослепить его на несколько часов: сжечь склады, перерезать связь между караулами, подорвать пороховые погреба, поджечь арсенальные мастерские, посеять слухи о мятеже и заставить гарнизон смотреть внутрь города в ту самую ночь, когда настоящий удар придет с севера.

Теперь над Галатой поднималось зарево, где-то возле Топкапы гремели взрывы, били колокола христианских кварталов, им отвечали барабаны янычар. Константинополь просыпался в ужасе, еще не понимая, что война уже вошла в Босфор.

Но два фрегата были лишь глазами. За ними, далеко во мраке Черного моря, двигалось главное тело русского флота: линейные корабли, фрегаты, галеры, транспорты с солдатами, порохом и осадным снаряжением. Тысячи матросов и солдат, десятки вымпелов, лес мачт — целая плавучая армия медленно втягивалась в пролив, будто вместе с ней двигался сам горизонт. И чтобы этот стальной кулак достиг Константинополя, необходимо было сделать одно: вырвать клыки у Босфора.

И словно город только этого слова и ждал. Где-то далеко вспухло оранжевое пламя, а через несколько мгновений пришёл звук — тяжёлый, низкий удар, будто кто-то исполинский захлопнул железные ворота. На таком расстоянии взрыв не оглушал, но ошибиться было невозможно. Почти сразу раздался второй, затем третий, уже левее, а за ним четвёртый. Стаи птиц сорвались с крыш и минаретов, заметались над городом, и над Константинополем начало стремительно расти огромное облако дыма.

Несколько мгновений капитан молчал, а затем всё произошло разом.

— Сигнальщика ко мне! Немедленно! Передать «Грозному»: в пролив не входить! Разворачиваться, уходить обратно и давать сигнал к атаке! Не успели пока еще взять Румелихисару. Флот не может входить, чтобы не попасть под обстрел.

— Есть!

— Повторить дважды!

— Есть, Василий Петрович!

Матросы бросились выполнять приказ, а Кирьянов снова поднял трубу. Он уже почти не сомневался: кто-то в городе прямо сейчас открывал ворота русскому десанту. Не буквально, пока ещё не буквально, но если происходящее являлось тем, о чём он думал, результат мог оказаться даже лучше.

Но ту крепость, которая стоит на правом, европейском берегу, замыкает проход через Босфор, ее нужно было нейтрализовать. И тогда Константинополь не сказать, что вдруг станет беззащитным, но способность к сопротивлению русскому десанту резко снизится. Ну и крепость эту, Румелихисару, планировалось использовать при десанте.

***

Румелихисар – «Перерезающая горло». Крепость вырастала из европейского берега темной каменной громадой. Ее башни поднимались над проливом, словно исполинские стражи, поставленные здесь еще в те времена, когда султаны брали Константинополь и перекраивали карту мира.

Да, она запущена, да тут небольшой гарнизон. Но пока что турки не верили, что угроза может прийти с севера. Уже как сто десять лет никто не тревожил Константинополь с севера. Да и тогда не город трогали, а казаки только пограбили в порту, а после и ушли.

Сейчас все иначе. И даже не особо грозная крепость могла бы сильно подпортить настроение приближающегося русского черноморского флота. Потому и было принято решение о ее захвате.

Сколько же изучалось и побережье и сама твердыня. У тех, кому предстояло совершить подвиг, были и карты и чертежи. Бойцы знали и где находятся ворота и даже что они сильно скрепят и с большим трудом закрываются. Потому стоят открыты почти всегда.

Знали, что в миле севернее укреплений берег разошелся узкой каменной расселиной, почти невидимой с воды. И сейчас туда один за другим вошли баркасы. По едва слышной команде гребцы подняли весла, лодки по инерции скользнули вперед, и влажная галька тихо зашуршала под килями.

Почти сразу ожила вода. Темные фигуры начали выпрыгивать за борт — по колено, по пояс, некоторые оступались на скользких камнях и погружались почти по грудь, но никто не ругался. Оружие держали над головой, ружейные замки были обмотаны промасленной тканью. Пятьдесят три человека. Полурота морской пехоты, отобранная по одному из разных экипажей: те, кто умел драться в темноте, не терял голову в тесноте абордажа и мог ночью пойти против крепости, гарнизон которой превосходил их числом, не спрашивая, сколько шансов вернуться.

Во главе высадки стоял прапорщик Гаврилов. Тот самый герой Перекопа, который не только выстоял под обстрелом турок, но и в рукопашной не пустил их за первую линию обороны.

Вода доходила ему до колен, но он не двигался, пока последний морпех не выбрался из баркаса. Высокий, широкоплечий, чуть сутулый, словно привыкший пригибаться под низкими корабельными палубами. На нем был темный, пропитанный солью камзол, поверх которого тускло поблескивал офицерский горжет. Белесый шрам пересекал лицо от правого виска к подбородку и придавал ему выражение вечной, застывшей усмешки.

Три года назад под Перекопом Гаврилов был всего лишь младшим унтером. Потом пошел учится на офицера. Война вернула его раньше, чем преподаватели успели решить, можно ли

вообще сделать из Гаврилова офицера. Теперь он носил шпагу не по праву рождения, а потому, что слишком многие люди умерли рядом с ним, а он почему-то остался.

Капитан полуроты скончался от горячки за шесть дней до операции, и командование перешло к прапорщику. Теперь пятьдесят два человека смотрели на него. Гаврилов медленно вынул тяжелый абордажный палаш и негромко произнес:

— Слушай сюда. До стены — ни выстрела. Ружья не заряжать, кремни снять с полувзвода. Кто пальнет раньше времени — похоронить не успею, сам придушу. Идем к Саруджа-паше. По козьей тропе. Потом потерна. Если внутри тихо — режем караул и берем башню. Если поднимут тревогу... – Он посмотрел вверх, туда, где над склоном чернела громада крепости. – Тогда бежим быстрее, чем они успеют понять, сколько нас.

Кто-то в строю тихо усмехнулся. Гаврилов оскалился.

Подъем оказался хуже, чем на карте. Не идеально все же разведка сработала, но близко к этому, точно.

Тропа почти сразу исчезла, склон уходил вверх под таким углом, что местами приходилось карабкаться на четвереньках. Под сапогами осыпался сланец, колючий кустарник цеплялся за одежду, царапал лица, рвал ладони. Один солдат поскользнулся, и камень вылетел из-под его сапога, покатился вниз, ударяясь о склон. Каждый стук казался пушечным. Вся колонна замерла. Наверху ничего не произошло. Только ветер прошелся по кустам. Гаврилов выждал несколько мучительных секунд и снова дал знак двигаться.

Чем выше они поднимались, тем сильнее становился запах крепости: дым очагов, овечий жир, лошади, навоз, человеческое жилье, сырой камень. Наконец над ними возникла стена — не появилась, а словно разом заслонила половину неба. Гаврилов задрал голову. В бойнице высоко над ним дрожал огонек лампы. По стене прошла тень часового, остановилась. Русские прижались к земле. Сверху донесся кашель, затем плевок. Тень двинулась дальше. Только тогда прапорщик показал вперед два пальца.

Из строя отделились двое пластунов. Первый исчез в зарослях настолько бесшумно, будто провалился сквозь землю, второй последовал за ним. Впереди находилась потерна — небольшая служебная калитка, почти скрытая плющом. Возле нее, прислонившись плечом к стене, стоял янычар. Холод заставил его натянуть поверх одежды теплый халат; голова время от времени падала на грудь. Первый пластун подполз почти вплотную, замер и ждал.

Янычар вдруг поднял голову, словно почувствовал чужое присутствие, и повернулся. Из темноты за его спиной поднялась человеческая фигура. Ладонь легла на рот, коротко блеснул нож. Часовой дернулся, ударил каблуком по камню, еще раз — и обмяк. Русский осторожно опустил тело на землю.

Дверь открыта. Гаврилов первым протиснулся внутрь. После холодного ветра с Босфора внутренний двор казался почти душным. Прапорщик поднял руку, и люди один за другим просочились через потерну, растекаясь вдоль стены. Двор был залит мутным лунным светом. Справа темнели казармы, слева склады, впереди поднималась башня. До нее оставалось меньше сотни шагов. Гаврилов уже видел лестницу. Еще минута — и они окажутся внутри. Может быть, даже успеют захватить батарею, прежде чем гарнизон поймет, что происходит.

Из двери казармы вышел человек.

Русские застыли.

— Твою мать, — едва слышно произнес кто-то за спиной, когда стало понятно, что турок с собакой.

Пес рванулся. — Бей!

Грохнул пистолет. Вспышка на мгновение вырвала из темноты десятки лиц. Пес рухнул на камни, османский солдат закричал, и крепость проснулась. Одна дверь распахнулась, за ней вторая, третья. Наверху кто-то заорал. Ударил барабан. Из дальней башни ответил другой. Зажглись фонари, послышался топот десятков ног.

— Ружья! Первый взвод вперед! Второй — к стене! Не растягиваться! Первая шеренга! Цельсь!

Двенадцать ружей поднялись почти одновременно. Османы приближались. Тридцать шагов. Двадцать пять. Двадцать. Гаврилов заставил себя ждать. Еще секунду. Еще половину.

— Пли!

Двор исчез в огне и белом дыму. Двенадцать выстрелов слились в один удар, от которого заложило уши. Передний ряд атакующих рухнул и смешался, несколько человек налетели на падающих, но задние уже перескакивали через них. Гаврилов даже не дал своим перезарядиться.

— Штык!

Русские сомкнулись. Через мгновение две массы людей столкнулись посреди двора.

Удар был чудовищным. Первый осман буквально нанизался на русский багинет, но собственной тяжестью вырвал ружье из рук морпеха. Второй перепрыгнул через тело и рубанул ятаганом. Морпех закрылся предплечьем, клинок рассек рукав и мясо до кости, но русский успел другой рукой выхватить абордажный топор и ударил снизу. Рядом копье скользнуло между двумя штыками и вошло солдату под ключицу. Кто-то заорал так пронзительно, что голос прорезал даже общий грохот.

Гаврилов отбил сабельный удар гардой, шагнул вперед и ударил противника плечом. Тот отлетел назад, но из дыма тут же возник второй. Палаш пошел снизу вверх. Сталь встретила сталь, посыпались искры. Гаврилов провернул кисть, сбил клинок в сторону и ударил рукоятью в лицо. Раздался хруст. Противник рухнул, а прапорщик уже разворачивался к следующему. Справа морпех упал на колени, зажав живот обеими руками. Над ним вырос янычар и занес ятаган для второго удара. Гаврилов выстрелил почти в упор. Пистолет дернулся в руке, дым ударил в лицо, осман исчез в нем, будто его стерло.

— Не стой! Дави! Дави их к казармам!

Но турки уже оправились от первого потрясения. На верхней галерее появились мушкетеры. Первый залп ударил сверху. Пуля чиркнула по камню возле лица Гаврилова, обдав щеку крошкой. Вторая вошла морпеху за его спиной в шею. Тот сделал еще два шага, будто не понял, что произошло, затем медленно опустился на колени и повалился набок. Еще один русский закричал и выронил ружье, схватившись за разбитую кисть.

— Сверху! — крикнул один из бойцов.

— Вижу! – ответил Гаврилов. — Гренадеры! Галерея! Две туда! Остальные — в казарму!

Четверо пробились вперед. Фитили зашипели. Среди лязга стали, криков и мушкетных выстрелов Гаврилов почему-то отчетливо услышал этот тонкий звук. Один гренадер размахнулся. Чугунный шар взлетел вверх, ударился о деревянные перила и исчез за ними. Второй полетел следом.

Взрыв ударил по двору. Галерею заволокло дымом, вниз посыпались щепки и обломки. Один из стрелков перелетел через перила и тяжело рухнул на камни. Почти одновременно вторая граната влетела в дверной проем казармы. Вспышка осветила окна изнутри, следом донеслись грохот и вопли. На несколько драгоценных секунд сопротивление ослабло.

— К башне! За мной!

Гаврилов поднял палаш и бросился вперед. Морпехи рванули следом. Теперь это был уже не строй, а стая — окровавленная, оглохшая, обезумевшая от дыма и ярости. Они ворвались в башню прежде, чем защитники успели захлопнуть дверь.

Внутри начался другой бой. Хуже прежнего. Здесь нельзя было развернуться, нельзя было стрелять строем, нельзя было даже понять, сколько противников впереди. Каменная лестница винтом уходила вверх, настолько узкая, что двое едва могли разминуться плечами. Первый янычар возник буквально в двух шагах. Кочетов, заместитель Гаврилова, принял удар ята-

гана на топор, сам прапорщик ткнул палашом снизу, и тело покатилось по ступеням, сбивая тех, кто шел следом.

— Наверх! Не останавливаться!

Дым быстро заполнял лестницу, цеплялся за свод, застилал глаза. Люди кашляли, ругались, спотыкались о тела. В нескольких шагах впереди сталь била о сталь, но самих дерущихся уже почти не было видно. Гаврилов двигался на звук. Из серой мглы внезапно вынырнул клинок. Он едва успел отшатнуться. Ятаган скользнул по левому плечу, распорол камзол и мясо. Боль пришла не сразу — сначала только сильный толчок, затем тепло, быстро побежавшее вниз по руке.

Осман замахнулся снова. Гаврилов перехватил его запястье, дернул на себя и ударил лбом в лицо. Раз. Второй. Противник ослабил хватку. Прапорщик развернул его и столкнул вниз.

— Еще десять ступеней! — прохрипел Гаврилов. — Дави!

Гаврилов прыгнул через две ступени, отбил направленный в грудь штык, ударил противника локтем, потом палашом. Еще шаг. Еще один. Ветер внезапно ударил ему в лицо, и после удушливого дыма показался ледяным.

Он выскочил на открытую батарею.

Здесь стояли пушки. Огромные бронзовые тела на тяжелых лафетах чернели в предрассветной мгле. Возле них метались артиллеристы. Один нес факел. Другой уже работал банником. Третий вместе с двумя помощниками разворачивал орудие к проливу.

И тогда Гаврилов услышал то, чего боялся всю ночь. Далекий пушечный выстрел. С моря.

Он обернулся. За северным мысом, среди тумана и темной воды, проступал огромный силуэт. За ним второй. Потом третий. Флот уже входил в Босфор.

Слишком рано. Или они слишком долго возились. Теперь каждая секунда стоила корабля.

— Пушкарей! Бей пушкарей!

Первые морпехи выскочили из лестничного проема. Гаврилов ткнул палашом вперед.

— Пли!

Залп ударил по площадке. Артиллеристы попадали, но человек с факелом остался на ногах. Он пригнулся и побежал к крайней пушке. До запального отверстия оставалось четыре шага. Три. Два.

Крепость переходила в русские руки. А скоро и турецкие пушки будут развернуты, чтобы бить по другим береговым батареям Вечного города.

Скоро Ремелихисар — древний «Перерезатель горла» — стоял над Босфором безмолвный, окровавленный и ослепший. Его пушки молчали. Его башни молчали. Его гарнизон больше не мог закрыть пролив. А далеко впереди, за черными водами и предрассветным дымом, горел Константинополь.

— Ну что, братцы...

Выжившие подняли головы.

Внизу проплывал последний корабль первой колонны. За ним из тумана появлялись новые силуэты. Один. Второй. Третий. Казалось, им не будет конца.

Гаврилов посмотрел на юг, туда, где багровело небо над столицей султана.

— Кажись, нынче тут от русской речи будет уши закладывать. Но знайте, что мы первые сошли на берег, – подбадривал солдат Гаврилов.

— Нет, командир. Шпионы были первыми. Глянь, как взрывается и полыхает Константинополь, – ответили ему.

— Ну ничего, мы тоже скоро покажем... Не вся наша служба на сегодня, – сказал прапорщик Гаврилов.

Глава 3

Константинополь
9 апреля 1727 года

Слухи ходили давно, особенно о комиссарах, и само это слово за последние годы успело приобрести в армии совершенно особый оттенок. О них рассказывали такое, что половину историй Кирьянов считал матросскими байками: будто они могут достать человека в любой европейской столице, узнают происходящее при дворах раньше послов, способны поднять бунт, купить чиновника, подменить письмо, устроить пожар на складе, а потом сделать так, чтобы через неделю все решили, будто склад загорелся по неосторожности пьяного сторожа.

Чепуха, конечно. По большей части. Наверное. Однако Кирьянов точно знал другое: русская агентура в Константинополе существовала. Большая, разветвлённая и готовившаяся именно к такому дню. В городе были люди, которым поручили в нужный момент взрывать всё, что можно взорвать, поджигать всё, что можно поджечь, нарушать связь, отвлекать гарнизон и сеять панику. А если получится — уничтожать турецкие части прямо в казармах. Судя по новым взрывам, кому-то получилось. И очень неплохо.

Василий Петрович Кирьянов не случайно оказался на этом фрегате. Ещё во время переобучения при Адмиралтействе преподаватели отметили его способность видеть за отдельным событием общую картину. Он не принадлежал к тем капитанам, что умели только превосходно вести корабль, держать строй и выполнять приказ. Кирьянов задавал вопросы, иногда неудобные, старался понять, зачем ему приказали сделать именно так, что будет делать противник и что изменится, если первоначальный замысел рухнет в первые же минуты боя. Стратегическое мышление, гибкость ума, способность быстро принимать не просто решение, а по возможности правильное решение при недостатке сведений — всё это было замечено.

Сам Кирьянов не знал, что после переобучения его имя попало в особый список — резерв высших чинов. Ещё одно новшество новой России. Туда заносили офицеров, чиновников и командиров, которые со временем могли оказаться способны на большее, чем требовала их нынешняя должность. За такими людьми наблюдали, им давали трудные назначения, направляли на дополнительное обучение, сводили с опытными начальниками, проверяли в кризисах. Ошибки разбирали, успехи тоже — причём порой куда придирчивее ошибок. Адмиралу Змаевичу отдельно поручили присмотреться к нескольким капитанам и помощникам капитанов из этого резерва, а после кампании дать на каждого подробную характеристику.

Государство пыталось превратить появление великих полководцев и флотоводцев из счастливой случайности в закономерность. Не ждать, пока талант сам пробьётся через двадцать лет службы, зависть начальства, недостаток денег и случайную пулю, а искать, учить, проверять и выдвигать. Кирьянов обо всём этом не знал и потому сейчас просто делал свою работу.

Фрегат продолжал идти по Босфору, причём неспешно. Всем своим видом он показывал, что является обычным турецким кораблём, следующим через пролив в сторону Эгейского моря: никакой суеты, никакой резкой смены курса, никаких действий, способных вызвать подозрение с берега. При нормальном положении дел командование Константинополя уже давно должно было заинтересоваться незнакомым вымпелом — запросить название, потребовать опознания, приказать подойти к причалу или отправить на борт военных либо хотя бы портовых чиновников для проверки документов. Не происходило ничего. Ни сигнала, ни лодки, ни окрика, ни предупредительного выстрела. И разум Кирьянова, привыкший собирать из обрывков сведений единую картину, снова и снова возвращался к одному вопросу: почему?

Ответ находился совсем недалеко, но капитан русского фрегата знать его не мог.

Ночью стража схватила армянина, при котором обнаружили целую пачку листовок. Написанные на нескольких языках, они призывали христиан восстать против турецкого ига,

вспомнить о вековых унижениях, о разорённых семьях, казнённых родственниках, о церквях, налогах и поборах. Особенно много говорилось о последних месяцах, когда пустеющую османскую казну всё чаще пытались наполнить за счёт тех, кто хуже всего мог себя защитить, — немусульман. Армянина утащили на допрос, однако Великий визирь прекрасно понимал: если поймали одного, значит, листовки уже разошлись сотнями, а возможно, тысячами.

Так что Константинополь вовсе не спал. Он лежал в темноте с открытыми глазами и ждал, сам не зная чего. Русские агенты делали свою работу. В греческих, армянских и других преимущественно христианских кварталах из тайников доставали оружие: старые пистолеты, ружья, порох, ножи, топоры. Кто-то точил клинок, которым ещё вчера разделывал мясо, кто-то впервые в жизни держал настоящее ружьё, кто-то крестился и шептал, что всё это безумие и нужно выбросить оружие в море, пока не поздно.

Людей вооружали не обязательно для восстания. Во всяком случае, именно так говорили те, кто приносил оружие. Защищайте дома. Защищайте семьи. Если начнётся беспорядок — не позволяйте янычарам войти в ваш квартал. Разумные слова, почти мирные. Вот только толпа не знает слова «почти». Стоит пролиться первой крови, и человек, вчера ещё вполне лояльный султану, торговавший с турками и никогда не помышлявший о бунте, может сам не заметить, как подхватит с земли камень. Увидит бегущего чиновника, вспомнит старую обиду и бросит. А вслед за первым камнем полетит второй, затем третий, потом кто-нибудь выстрелит. Так рождается толпа.

И именно поэтому над Константинополем стояла такая странная тишина. Не сонная, не мирная — тишина человека, который услышал ночью шаги за дверью и теперь лежит, боясь пошевелиться. Напряжённые жители великого города ещё не знали, что именно должно случиться, но готовились к худшему. Молчали даже дома, старались не привлекать внимания. Пусть беда пройдёт мимо. Пусть лихо выберет другую улицу, другую дверь, другой дом.

А потом взорвались янычарские казармы. Сначала одна, затем ещё несколько зарядов разнесли часть соседнего здания. Огонь мгновенно нашёл сухое дерево, пламя поползло по перекрытиям, вырвалось из окон и перекинулось на крышу. Полуголые люди выскакивали наружу, кто-то пытался вытаскивать оружие, кто-то — товарищей. Офицеры кричали приказы, но в предрассветной суматохе никто толком не понимал, напал ли на город враг, началось ли восстание или взорвался собственный порох. А потом кто-то выстрелил.

Константинополь услышал этот выстрел и сделал шаг в неизвестность.

На борту русского фрегата Кирьянов видел только дым, но ему хватило и этого. Сомнений почти не осталось. Огромный исполинский город, некогда бывший символом православной империи, а ныне олицетворявший могущество Османской державы, начинал просыпаться. На востоке поднималось солнце, золотило верхушки минаретов, зажигало купола и отражалось от спокойной воды Босфора; одновременно в городе всё ярче разгорались пожары. И всё же Константинополь погружался во тьму — не настоящую, а ту, что возникает, когда прежнее будущее уже уничтожено, а новое ещё не наступило.

Сегодня никто не мог сказать, кому будет принадлежать этот город к вечеру. Он просыпался турецким, а заснуть мог уже русским.

Кирьянов медленно выдохнул. Сколько же работы предстоит...

— Подготовить ракеты, — приказал он.

Несколько человек замерли.

— Все?

— Пока нет. Пусковые установки держать разобранными. Расчётам быть готовыми поставить их немедленно по моему приказу.

— Есть!

Кирьянов снова посмотрел на север, туда, откуда должна была прийти русская эскадра. Он уже представлял дальнейшее: сначала покажутся передовые вымпелы, потом основные

силы. Турки, если окончательно не потеряли голову, откроют огонь с укреплений, замыкавших подходы к городу, русские корабли ответят, и тогда наступит его очередь.

Ракеты уже сказали своё слово в бухте Варны. Странное оружие, капризное, не особенно точное. В полевом сражении его польза пока оставалась спорной: хороший артиллерист с привычной пушкой зачастую делал больше и надёжнее. Но против большого города, против плотной застройки, деревянных крыш, складов, портовых сооружений, толп людей, лошадей и частей, пытающихся построиться среди узких улиц, ракета превращалась в нечто совсем иное. Не столько в оружие разрушения, сколько в оружие ужаса.

Кирьянов посмотрел на Константинополь. Над городом поднимались уже несколько чёрных столбов, на фортах били барабаны, по берегу бежали люди, а где-то далеко снова прогремел взрыв. Тишина закончилась.

Десантная операция, направленная в самое сердце Османской империи, начиналась.

***

Если кому-нибудь доводилось видеть, как рушится большая плотина, годами державшая за собой тяжесть полноводной реки, то лучшего сравнения для происходившего в узком горле Босфора он, пожалуй, не нашел бы.

Сначала появляется одна трещина, потом вторая, через них начинают бить тонкие струи, еще мгновение — и вода уже не просачивается, а ломает преграду всей накопленной массой, с ревом увлекая за собой камни, бревна, землю и все, что прежде казалось неподвижным и вечным.

Так и здесь: едва замолчали захваченные береговые батареи, едва над Румелихисаром поднялся русский флаг, как один русский линкор встал напротив и закинул просто огромное число ракет и обстрелял артиллерией крепость-близнец на азиатском берегу, Анадолухисар... Тот час в пролив хлынули галеры первой десантной волны.

Они шли тесно, почти борт к борту, словно люди, составлявшие план операции, боялись оставить между ними хотя бы лишнюю сотню саженей. Впереди рвались десять самых быстроходных, за ними темнели следующие, а еще дальше из утренней дымки появлялись новые корпуса. То, что всего несколько часов назад казалось дерзкой штабной фантазией, теперь происходило на самом деле: русские войска шли брать плацдарм в Константинополе.

Командовал десантным корпусом генерал-лейтенант Василий Иванович Суворов, назначенный на эту должность личным решением императора вопреки возражениям едва ли не всего высшего военного руководства.

Министр военных дел был против, начальник штаба был против, даже фельдмаршал Матюшкин позволил себе осторожно заметить государю, что Суворов пока куда убедительнее выглядит над картой, чем под неприятельскими ядрами.

И основания для сомнений имелись: Василий Иванович был слишком молод для своего чина, слишком быстро поднялся наверх и слишком мало успел повоевать по-настоящему. Но это уже стало в русской армии если не нормой, но терпимым. Были и другие причины, личного характера.

Бешеное ускорение всей русской военной машины выбросило наверх целое поколение людей, которым при прежних порядках потребовались бы десятилетия, чтобы получить возможность командовать хотя бы полком. Но Суворов был слишком осторожным. Даже назначение Чеботаря было принято куда как аргументированно.

Почему государь выбрал именно Суворова, никто толком не понимал. Возможно, император просто слишком хорошо знал эту фамилию и не мог совершенно беспристрастно относиться к отцу человека, которому в иной реальности предстояло стать одним из величайших русских полководцев.

А может быть, дело было вовсе не в фамилии: Василий Иванович действительно показывал выдающиеся результаты в новом учебном центре, прекрасно разбирался в снабжении,

фортификации и штабной работе, а на военных играх несколько раз ставил в крайне неприятное положение куда более опытных генералов.

Однажды он даже сумел переиграть самого императора, причем сделал это не красивым маневром ради маневра, а скучной, почти купеческой расчетливостью: перерезал условные пути подвоза, заставил противника растянуть силы и дождался момента, когда тот сам полез исправлять положение. Государь тогда проиграл, несколько минут молча смотрел на карту, а потом неожиданно рассмеялся.

Многие присутствовавшие решили, что карьера Суворова на этом закончилась. Все же император не любил проигрывать. Но получилось наоборот — и теперь именно его люди рвались к Константинополю.

Удары воды о носы галер сливались в один непрерывный гул. Скрипели уключины, стонали корпуса, натягивались канаты; казалось, даже мачты гребных судов жалуются на скорость, с которой их гонят вперед.

Но тяжелее всего приходилось людям. На каждой галере десятки гребцов работали так, словно впереди их ждала не столица Османской империи, а последняя черта собственной жизни. И не успей они вовремя, и жизнь оборвется.

Голые по пояс, несмотря на холодный утренний ветер, они налегали на весла всем телом. Хотя почему несмотря? Ветер, напротив, несколько спасал, хотя все равно пот стекал по спинам, ладони давно горели, у некоторых кожа на пальцах лопнула, и рукояти весел становились скользкими от крови. А ведь они тренировались.

Надсмотрщики не били людей и почти не кричали — в этом не было необходимости. Каждый знал, почему нельзя сбавлять темп. Весь последний год их учили именно этому: не просто грести, а выдерживать короткие чудовищные рывки, когда от нескольких минут зависит исход высадки. Теперь подготовка, которую многие проклинали, окупалась, и гребцы выжимали из тел все, что те еще были способны отдать.

Важна была каждая минута. Даже не минута — десяток секунд. Никто еще не понимал, насколько быстро турки оправятся от того, что происходило в столице и вокруг нее.

Часть Константинополя уже горела, над кварталами поднимались густые клубы дыма, временами окрашиваемые снизу огнем. Где-то звонили колокола христианских церквей, в других местах раздавались барабаны, крики, выстрелы. В нескольких районах начали возводить баррикады, и туда стекались люди, которым русская агентура месяцами внушала, что наступает день, когда решится их судьба.

Греки, армяне, православные славяне, недовольные султанской властью горожане, даже и мусульмане, но не турки, обычные авантюристы, решившие поставить все на одну карту, — каждый шел туда со своей причиной. Кто-то мечтал о свободе, кто-то о мести, кто-то о богатстве, а кто-то просто понял, что назад дороги уже нет.

Были недовольные в Константинополя и не только в нем. И среди турок уже зрело негодование, но не о них речь, так как перед общей опасностью, под угрозой перестать титульной нацией и господами, они сплотились бы.

Но армян, славян, греков, евреев, и даже европейцев, обирали сильно, наполняя военные бюджеты. Многие торговые семьи пострадали так, что теперь не видели никаких проблесков, чтобы восстановить свои объемы торговли и прибыли. А для коммерцианта потерять деньги порой трагичнее, чем родных.

Целые кварталы огораживались, люди брались за оружие. Нет, не наступали. Свое хотели сберечь. Кто окажет сопротивление туркам в городе, тот будет не только не тронут новой властью, но и обласкан – такие нарративы распространялись в среде торговцев немусульман. Некоторые купеческие фамилии уже напрямую работали с русскими агентами в городе. И теперь имели полноценные вооруженные отряды в сотни бойцов.

Люди сделали свои ставки... на кону жизнь.

И для многих ее действительно не было варианта: если русский десант захлебнется, если янычары вернут контроль над городом, расплата будет страшной. Никто не сомневался, что после подавления восстания начнут искать виновных, а вместе с ними под удар попадут и те, кто вообще не имел отношения к заговору.

Константинополь был слишком велик, слишком многонационален и слишком давно жил на границе между страхом и ненавистью, чтобы после такой ночи все закончилось несколькими десятками казней. Империя османов уже испугалась, получив такой вызов, как никогда ранее. Ну а тот воин, что осознал трусость зачастую компенсирует слабость жестокостью к поверженным.

Именно поэтому гребцы не берегли себя – началась битва без компромиссов.

Еще недавно подобный темп показался бы безумием: после такого рывка половина команды несколько часов не смогла бы нормально работать. Но русскому командованию сейчас не требовалось, чтобы эти люди были свежими через час. Требовалось, чтобы галеры оказались у причалов раньше, чем янычарские части соберутся в организованные колонны.

На скорости строился весь замысел. На быстроте русской атаке строились многочисленные штабные игры. Жизнь людей XVIII века была медленнее, чем жизнь человека будущего: приказ следовало написать, доставить, прочитать, понять, передать дальше; нужно было найти командира, разбудить офицеров, собрать солдат, выдать оружие, построить людей.

Даже хорошо обученный полк не возникал по щелчку пальцев, а теперь к обычной медлительности добавлялся хаос. Где-то горели казармы, где-то были перерезаны улицы, где-то посыльные просто не доходили до адресата.

Несколько янычарских подразделений оказались заблокированы внутри собственных кварталов, часть оружейных складов горела, в других местах толпы горожан перекрывали улицы телегами, бочками, камнем и всем, что попадалось под руки. Русские диверсанты не могли уничтожить гарнизон Константинополя и даже не пытались этого сделать. Их задачей было другое — украсть у противника время. Теперь десант превращал украденные минуты в захваченную землю.

— Бах! Бах! — далеко впереди снова ударили пушки. Два русских фрегата, проникшие в Босфор под османскими флагами, продолжали работать по берегу.

Турецкие полотнища пока не спускали намеренно: в общем хаосе они создавали дополнительную путаницу, поскольку издалека невозможно было сразу понять, кто именно стреляет, почему османские корабли бьют по собственному берегу и кому вообще следует отдавать приказ открыть по ним ответный огонь. А может уже диверсанты в порту и турецкие корабли по ним бьют?

Когда гремят взрывы, разгорается город, когда уже прошел слух, что султан умер, но и что наследник его убит... У турецких подданных словно бы опору из-под ног убрали.

Между тем, Андреевские флаги уже лежали приготовленными у фалов, но капитаны не спешили — каждая лишняя минута обмана могла стоить десятков сохраненных жизней. Самые опасные береговые орудия выше по проливу уже молчали.

Румелихисар был захвачен, его батареи выведены из строя, а часть исправных пушек русские успели развернуть против прежних хозяев. Теперь захваченная крепость прикрывала движение флота и методично обрабатывала прибрежные участки, где замечали скопления османских войск.

Временами над берегом взлетали сигнальные ракеты: одни обозначали цели, другие передавали сообщения кораблям, третьи должны были быть видны диверсионным группам внутри города. Все это — вспышки, пожары, пушечные выстрелы, звон колоколов, крики — складывалось в одну огромную и страшную музыку утра, которое Османская империя должна была помнить очень долго. Это был русский марш, который для ушей турок звучал, словно бы реквием, погребальная музыка.

И именно в тот момент, когда впереди уже показались причалы, заговорила батарея, которую русские считали подавленной. Она молчала настолько долго, что некоторые офицеры успели решить: прислуга разбежалась. Ошиблись.

С берега почти одновременно ударили несколько орудий, бруствер выплюнул клубы дыма, и через мгновение воздух над водой наполнился тем особенным воем, который невозможно спутать ни с чем.

Кто-то успел заорать: «Ложись!», но крик утонул в грохоте.

Первое ядро прошло над головной галерой, второе... мимо... третье... зато четвертое нашло цель — ударило во передовую галеру, чуть ниже ватерлинии. Раздался треск, будто кто-то огромный переломил толстое дерево; борт вздулся внутрь, доски и щепа разлетелись по нижней палубе, вода сразу хлынула через пробоину. Нескольких гребцов убило обломками, еще двоих прижало сломанным веслом, люди закричали, но галера по инерции продолжала идти вперед.

Следующий снаряд ударил выше и прошел через скопление десантников, стоявших на палубе плечом к плечу. То, что произошло, не было похоже на красивую смерть из батальной живописи: людей просто смело.

Одного бросило на борт, второй исчез под ногами товарищей, третий несколько секунд стоял, словно не понимая, почему у него больше не слушается рука. Кто-то завопил, зовя мать, кто-то молча сел прямо на палубу и начал смотреть на кровь, быстро растекавшуюся по доскам.

Командир галеры оказался среди первых пришедших в себя и, перекрывая стоны раненых, заорал:

— Пробоина! Пластырь готовить! Помпы! – никто не думал останавливаться, хотя скорость корабль сразу потерял.

Головная галера пости остановилась, переставая быть передовой. Вторая ушла вперед, третья начала обходить поврежденную, за ней потянулись остальные. Строй на несколько секунд смешался — именно этого и добивались турецкие артиллеристы, уже снова забивавшие заряды в стволы.

Второй залп отважная и хитрая турецкая батарея сделать не успела. Один из русских фрегатов словно только и ждал, когда батарея выдаст себя вспышками: его орудия довернули заранее, и теперь почти одновременно хлопнули четыре выстрела.

В сторону батареи ушли разрывные снаряды. Первый лег коротко, подняв у берега высокий фонтан воды; второй перелетел бруствер и разорвался позади позиции; третий попал почти идеально, выбросив наружу доски, камни и части разбитого лафета. Четвертый снаряд разорвался там, где находились зарядные ящики, и через мгновение последовал второй взрыв — гораздо сильнее первого. Когда дым немного разошелся, батареи почти не существовало. Из находившихся там артиллеристов лишь немногие могли самостоятельно подняться, а те, кто остался жив, уже не думали о стрельбе.

Цена этих нескольких минут лежала на палубе поврежденной галеры. Она почти остановилась, вода прибывала быстрее, чем успевали работать помпы. Матросы тащили к пробоине аварийный пластырь, кто-то спускался вниз по пояс в холодную воду, кто-то выбрасывал за борт все, что можно было выбросить, облегчая судно.

Раненых перетаскивали к корме. Командир понимал: до причала они, возможно, не дойдут. Остальные галеры проходили мимо, и никто не останавливался. Именно это было одним из самых страшных законов десантной операции: иногда товарищам нельзя помочь, потому что остановившийся рядом корабль подставит под следующий залп еще сотню людей. Кто-то с соседней галеры крестился, глядя на отстающий корабль; кто-то нарочно отворачивался. Через несколько минут поврежденное судно осталось позади, а десант продолжал идти вперед.

Ни первая волна десанта, ни даже вторая, не имела задачу взять весь Константинополь одним ударом. В русском штабе не страдали подобным безумием. Даже самые неисправимые

оптимисты понимали, что город огромен, населен сотнями тысяч людей и в большинстве своем не собирается встречать русских хлебом и солью.

Задача первой волны была куда прозаичнее и потому важнее: захватить портовые сооружения, создать устойчивый плацдарм, обеспечить высадку следующих частей, прикрыть разгрузку артиллерии и снабжения, а затем расширить контролируемую территорию настолько, чтобы противник не смог сбросить десант в воду одним организованным ударом.

Первые османские отряды уже пытались этому помешать. Дважды охрана порта — янычары, вооруженные матросы, городская стража и несколько десятков людей в европейском платье, среди которых русские наблюдатели подозревали французских военных специалистов, — пыталась построиться возле причалов.

Оба раза русские фрегаты разгоняли их огнем прежде, чем они успевали образовать сколько-нибудь плотный строй. Но когда галеры подошли ближе, корабельная артиллерия уже не могла безнаказанно стрелять по самой кромке воды: слишком велик становился риск накрыть собственных.

Турки это поняли и начали собираться снова. Ведь вся тактика нынешнего столетия, да и прошлого, была связана с залповой стрельбой. Вот для того люди и собирались в кучки, формируя группы. Но все это время и... цель для русских винтовок и пушек.

Теперь защитников было несколько сотен, нет, уже полтысячи набралось. Два отряда, неорганизованных, но прибыли к порту. Другое подкрепление тоже могло бы прийти. Но рядом находился дворец султана. Кто-то из турецких командиров решил, что быть рядом с правителем – и выгоднее и правильнее. Это ошибка – не верить, что султан мертв.

В порту быстро возводили баррикады. За перевернутыми телегами, ящиками, бочками и штабелями грузов торчали стволы ружей; красные янычарские кафтаны перемежались темными одеждами портовых рабочих, матросскими куртками и европейскими мундирами.

Кто-то тащил дополнительные мешки, укрепляя импровизированную баррикаду, офицеры кричали, заставляя людей пригнуться. Русские галеры шли прямо на них. На палубах тоже готовились: десантники уже не стояли беспорядочной массой, передние ряды присели, освобождая стрелкам обзор, командиры проверяли оружие.

Кто-то крестился, кто-то шептал молитву, кто-то молчал, сжав зубы настолько сильно, что на скулах ходили желваки. Никто не знал, будет ли жив через пять минут, и потому даже самые громкие прежде люди вдруг стали очень тихими.

Расстояние сокращалось. Первыми заговорили русские стрелки. С бортов потянулись отдельные хлопки — не залп, а размеренная, почти холодная работа: стрелок находил цель, выдыхал, нажимал на спуск, отходил назад, уступая место следующему.

На берегу падали прежде всего офицеры, знаменщики, люди, пытавшиеся командовать. Турки ответили слишком рано, у них просто не было штуцеров и пуль, которые использовали русские. Так что защитникам приходилось в большей степени теперь прятаться, не отвечая.

Хотя... они выстрелили. Не все, но все же. Над водой прошел беспорядочный град пуль, большинство легло коротко или ушло высоко, но несколько ударили в борта, а один гребец вдруг откинулся назад и выпустил весло.

Сосед даже не повернул головы — только перехватил рукоять и продолжил движение. Еще ближе. Теперь стреляли обе стороны, пули били в дерево, свистели над палубами, находили людей, и тогда заговорили носовые каронады.

Первый выстрел буквально разорвал утренний воздух, и картечь ударила по баррикаде. Ящики, за которыми укрывались защитники, разлетелись щепой, людей бросило друг на друга. Второй заряд прошел чуть правее, вдоль причала. Третий ударил по группе янычар, пытавшихся удержать проход между двумя складами.

Никто на берегу не ожидал такой плотности огня с небольших гребных судов, но турки не побежали. Первые галеры ударились бортами о причалы, раздалось многоголосое:

— Пошел! Пошел! Быстрее, бесово племя!

Русские начали прыгать на берег. И сразу начали умирать. Первая группа едва успела перебраться через борт, когда по ней ударил почти в упор беспорядочный, но многочисленный залп. Один морской пехотинец рухнул обратно в лодку, второй перелетел через край причала и исчез в воде, третий сделал несколько шагов, прижимая ладонь к животу, потом сел на камни. Но за первыми шли следующие.

Стрелки на галерах работали с пугающей слаженностью. Теперь они били по вспышкам выстрелов, по головам над укрытиями, по каждому человеку, пытавшемуся перезарядить оружие стоя.

Несколько лет их учили стрелять не по команде в сторону неприятельского строя, а выбирать цель; на подготовке не жалели ни пороха, ни пуль, и сюда собрали лучших. И все равно этого едва хватало. Порт взорвался рукопашной.

Русские ударили штыками, навстречу пошли янычары, и столкновение получилось таким жестоким, что строй исчез почти мгновенно. Здесь уже не было красивых линий, барабанов и команд. Люди рубили, кололи, стреляли в упор, били прикладами. Кто-то поскользнулся на крови и был затоптан, кто-то, получив штык в живот, успел вцепиться противнику в горло и потащил его за собой. На нескольких шагах пространства десятки людей пытались одновременно убить друг друга, а сзади на них напирали следующие.

Это было сражение, где останется только один... одна империя. И оно, сражение, только разгоралось.

От автора:Оказался в 1827-м, в теле пропащего графского сына. Долги, разорённое имение и преступление, в котором не виноват - вот моя новая реальность. https://author.today/reader/654519/6265891

Глава 4

Константинополь.

9 апреля 1727 года.

Русский десант, при поддержке картечниц, заставивших спрятаться тех турок и французов, которым чуть больше повезло, и пасть замертво тем, кто не успел в укрытие, пошел вперед. Русские вступили на землю, ну пусть камень и дерево, Константинополя.

Защитники вылазили из укрытий, стреляли не залпово, а по готовности, чем резко уменьшали результативность. В ответ били русские штуцеры, пистолеты, фузеи с примкнутыми штыками.

Началась рукопашная.

Янычары дрались страшно. Для них за спиной был собственный город, семьи, мечети, дома, сама столица империи. Русские пришли с моря, и их еще можно было сбросить обратно, если продержаться немного. Турки это знали, поэтому даже раненые продолжали цепляться за оружие.

Русским приходилось хуже еще и потому, что на первых минутах защитников было больше. Если бы не стрелки на галерах и огонь фрегатов по подходам к порту, первая волна вполне могла захлебнуться собственной кровью. В порт бежали разрозненные группы вооруженных людей, сходу врубаясь в свалку.

Но галеры продолжали подходить — одна, вторая, третья, четвертая, и каждая выбрасывала на берег новую сотню людей. Постепенно соотношение сил начало меняться, а потом наступил перелом: турки обнаружили, что русских уже не меньше, через несколько минут — больше, а еще через несколько — значительно больше.

Тогда заработала страшная арифметика боя. Пока одна сторона теряла людей и уставала, другая непрерывно получала свежие подразделения. Первая русская волна дралась уже почти на одном упрямстве: люди задыхались, руки дрожали, некоторые не могли нормально удерживать оружие.

Когда подошли свежие роты, измученных начали отводить назад. Они проходили мимо товарищей, только вступавших в бой, и выглядели так, словно воевали не полчаса, а несколько суток: черные от пороховой копоти лица, кровь на одежде, пустые глаза, у кого-то чужая кровь на руках и лице.

Туркам смениться было некем. Новые, прорвавшиеся отряды, которые не были уничтожены артиллерийским огнем с фрегатов, приходилось сходу вступать в бой.

Сначала турки и европейцы, которых было немало, начали отходить шагом, потом быстрее, затем отдельные группы побежали. Часть людей в европейском платье попыталась прорваться к шести иностранным кораблям, стоявшим у дальних причалов, очевидно рассчитывая уйти морем, но дорога была уже перерезана.

Турецкие суда непосредственно в гавани русские захватили еще в начале боя, а теперь стрелки заняли склады и крыши, простреливая подходы к иностранным кораблям. Порт был взят. Не окончательно, не навсегда, но на несколько ближайших часов — русский.

И первое, что нужно было сделать... Оттянуть тела павших, постараться смыть липкую и сколькую кровь с причалов, чтобы подготовить подход множества русских кораблей в порт.

***

Генерал-лейтенант Василий Иванович Суворов прибыл со второй волной. Его галера не шла первой, и некоторые молодые офицеры могли считать это недостатком храбрости, но самому Суворову было безразлично.

Командующий десантным корпусом не должен доказывать личную отвагу, первым выпрыгивая на неприятельский берег. Если его убьют в первые десять минут, храбрость станет лишь красивым названием для глупости.

Поэтому всю дорогу он стоял у борта и смотрел, но не любовался победой, а считал: причалы, улицы, расстояния, высоту домов, количество людей, направление отхода противника, места, откуда удобнее всего будет контратаковать. На берег он сошел только тогда, когда убедился, что ближайшие здания очищены, и сразу потребовал доклад.

Офицеры заговорили почти одновременно, но Суворов поднял ладонь и коротко приказал докладывать по одному. Через несколько минут у него сложилась картина.

Порт взят, потери тяжелые, но пока терпимые. Часть диверсионных групп продолжает действовать внутри города. По неподтвержденным сведениям, одна сумела проникнуть даже на территорию дворцового комплекса и закрепиться в одном из вспомогательных строений.

Несколько улиц контролируют восставшие горожане, о чем стало известно от посланника, прибывшего с белым флагом из города. Однако он же, русский агент, о котором предупредили офицеров первой волны десанта, что он, или даже группа, может прийти с информацией, сообщил, что турки приходят в себя.

На азиатском берегу сохраняются действующие батареи, в Галате собираются вооруженные группы, отдельные янычарские подразделения уже пробиваются к центру и восставших так мало, что они только и делают, что закидывают подходы отрядов гарнизона бутылками с зажигательной смесью, лишь замедляя рвущихся в бой янычар и других вооруженных турок.

Молодые русские офицеры ждали одного приказа — вперед. Сейчас. На плечах бегущего неприятеля. В город. Янычары идут в порт? Отлично. Убьем всех! Но Суворов приказал противоположное.

— Закрыть проходы. Сигнал флоту: порт принимает вторую волну. Артиллерию выгружать немедленно. Штурмовым группам — вперед не более чем на дальность надежной поддержки. Дворец тревожить, но без приказа внутрь не лезть. Мне там героев не требуется. Разрушать его бомбами и ракетами запретили, а брать большой кровью я не хочу. Оцепить, осадить, ждать, работать только метким стрелкам по двору и окнам.

Несколько офицеров переглянулись. Суворов заметил это и потребовал говорить прямо. Один из молодых командиров решился возразить:

— Господин командующий, неприятель бежит, сейчас можно на его плечах войти глубже, пока турки не опомнились.

Василий Иванович посмотрел в сторону города, где горело, стреляли и по улицам бежали люди. Где-то русских действительно могли встречать как освободителей, а через два квартала — встретить из окон сотней ружей.

— Можно, — согласился он. — А потом?

Офицер промолчал.

— Потом ваши люди растянутся по улицам. Связь потеряется. Артиллерия отстанет. Нас мало. Хорошо ли вы знаете город, чтобы не предполагать, что не зайдут со спины? Турки соберут тысячу янычар, ударят поперек, и я буду вытаскивать вас из каждого дома отдельно. Нет. Сначала порт. Потом дороги к нему. Потом артиллерия. Потом склады. Потом город. Именно в таком порядке. И запомните: за каждого человека, которого положите потому, что захотелось красиво ворваться в Константинополь, будете отвечать мне лично. Головой!

Офицеры вытянулись и разошлись исполнять приказ. Таков был Василий Иванович Суворов — рассудительный до раздражения, осторожный там, где другие ждали удали. Как всякий хороший штабной офицер, он терпеть не мог войну без плана. Возможно, именно поэтому император и назначил его сюда.

Командующий занял удобное здание таможни порта, сразу же разложил карту города на полу и стал выставлять фигурки.

Между тем, плацдарм начал расти почти на глазах. Сначала русские окончательно заняли причалы, потом ближайшие склады, затем перекрестки.

Из галер выкатывали легкие орудия, где удавалось — использовали захваченные турецкие. Артиллеристы проверяли запалы, разворачивали лафеты, подтаскивали боеприпасы. С противоположной стороны Золотого Рога и с азиатского берега начали отвечать османские батареи, над водой снова заговорили пушки, русские корабли отвечали, и город между ними содрогался. Но вслед за солдатами в порт начали входить совершенно другие суда — торговые, тяжелые, неуклюжие, забитые грузом до предела. Они везли не только порох, ядра и продовольствие. Они везли землю.

Глупо? Но такое решение было принято как раз Суворовым во время одних штабных игр. И оно позволило, в купе с другими, победить самого государя в той битве на столах и картах.

Тысячи заранее подготовленных мешков были уложены в трюмах. Если бы кто-нибудь увидел эти грузы неделю назад, наверняка решил бы, что русское командование окончательно сошло с ума: перевозить через Черное море землю, когда каждый пуд грузоподъемности можно отдать боеприпасам?

Теперь причина становилась очевидной. В плотно застроенном каменном городе землю еще требовалось найти, накопать, набить ею мешки, доставить к нужному месту, а русские привезли готовые укрепления. Мешки снимали прямо с телег, заранее погруженных на транспорты, и укладывали в три-четыре ряда. Следом выгружались изготовленные заранее деревянные элементы, причем каждое бревно было промаркировано, каждая секция имела номер. Солдату не требовалось быть инженером: достаточно было уметь считать и выполнять инструкцию.

Через полчаса, даже быстрее там, где прежде был обычный проход к порту, возникал бруствер; через сорок минут — небольшое укрепление; через час — позиция, которую уже нельзя было взять одним стремительным броском. А в это время русские бойцы держали оборону плотными рядами. Мясорубка продолжалась. И только каронады, переносные, удобные, рвали турок, стремящихся в первое время умереть, но дать другим прорваться.

Суворов уже через полчаса удивил, он ходил вдоль строящихся линий и торопил людей, потому что турки тоже не сидели без дела. Они не ломились пока безрассудно. Но к порту стекались новые силы защитников.

Среди них были янычары, городская стража, вооруженные жители, матросы. Многие были ранены, у некоторых лица и руки обожжены после пожаров в казармах, кто-то кашлял, отравившись дымом. Но вместе с ними шли сотни людей, не имевших никакого отношения к армии. По городу уже разнеслась весть: неверные высадились в столице, захватили порт, собираются осквернить святыни, убивают правоверных. Что из этого было правдой, значения уже почти не имело. Толпа собиралась, и русские наблюдатели видели ее с крыш. Доклады поступали один за другим: идут, не меньше тысячи, вооружены кто чем. Суворов посмотрел на недостроенный бруствер и только сказал: «Пусть подходят».

***

Толпа появилась в конце улицы. Сначала пришел шум, затем показались знамена, потом люди. Их действительно было много — настолько, что задние ряды терялись за поворотом. Некоторые несли ружья, другие сабли, ножи, топоры, дубины, кто-то шел вообще с голыми руками.

Впереди кричали, сзади кричали еще громче, и постепенно эта человеческая масса ускорялась. Русские за укреплениями молчали ждали.

Уже был поднят в воздух воздушный шар, который видел весь город. Заранее на картах были отмечены цифрами кварталы, артикулами улицы. Так что разведка передавала сведения по каждому направлению, связисты расшифровывали и наносили нужные значки и переставляли фигурки в реальном времени.

Так что знали русские, что на одном направлении собирается ну просто очень много людей. И что это мог быть прорыв, на крови, такой, что никаких пуль не хватит.

Тут же стрелки на крышах уже выбирали цели, офицеры проверяли фитили, Суворов заранее приказал никому не стрелять без команды, опять же к удивлению других, проявляя храбрость и явившись на самый жаркий участок на данный момент.

Турки приблизились на двести шагов, затем на сто пятьдесят, на сто. Кто-то из русских солдат перекрестился. Толпа перешла на бег — и тогда взорвалась улица.

Это было похоже на землятрясение. И, казалось, что действительно столь мощные взрывы могут породить движение земли.

Первый фугас поднял землю, камни и людей. Почти сразу рванул второй, за ним третий и четвертый. В нижних этажах ближайших домов заранее спрятали бочки с порохом, обложенные картечью, обломками железа и камнем; там, где позволяла мостовая, заряды удалось прикопать.

Фитили рассчитали заранее, и теперь они сработали почти одновременно. Воздух превратился в смертельную стену. Картечь шла настолько густо, что отдельные куски металла сталкивались между собой. Передняя часть толпы исчезла в дыму, следующие налетели на упавших, люди сзади продолжали напирать, еще не понимая, что произошло впереди. А затем начали рушиться дома — и вот этого не рассчитали даже русские.

Один поврежденный взрывом фасад качнулся наружу, за ним пошла стена, и камни посыпались на улицу. На одной из крыш находилась русская стрелковая пара. Кто-то успел крикнуть им уходить, но было поздно: перекрытие провалилось, и оба исчезли вместе с крышей.

Русские за брустверами пригнулись, над головами просвистели камни, пыль накрыла улицу. Несколько секунд никто ничего не видел. Потом из серой завесы появились люди — оглушенные, окровавленные, но живые.

Некоторые продолжали идти вперед, будто разум еще не успел сообщить им, что атака уже захлебнулась. Тогда прозвучала команда, русские фузеи ударили залпом, первый ряд стрелков отступил, второй вышел вперед, затем последовал еще один залп. То, что осталось от атаки, сломалось. Люди побежали, другие стояли без движения, держась за голову, кто и на коленях, иные лежали и корчились в смеси крови и белой штукатурки. Русские не преследовали: Суворов запретил. Даже сильные духом воины от такой картины могли сойти с ума. Не нужно смотреть на результат своей боевой работы.

Через несколько минут улица затихла, если можно было назвать тишиной стоны и крики раненых среди камней. Некоторые звали матерей, другие — Аллаха, кто-то просто просил воды.

Офицер возле Суворова молча смотрел туда, пока генерал не приказал выдвинуть санитаров и вытащить всех, кого можно достать без риска. На уточнение, следует ли помогать туркам тоже, Суворов посмотрел на подчиненного так, будто вопрос был странным:

— Раненый уже не штурмует мой бруствер.

На этом разговор закончился. Улица была настолько завалена камнем, телами и обломками, что дополнительное укрепление там почти не требовалось, но приказ существовал, а потому саперы продолжили работу. Война могла сама построить тебе баррикаду из развалин, однако инженер все равно проверит ее и добавит недостающие мешки.

***

У входа в Босфор.

— Бах! Бах!

Грохот дальнобойных орудий ударил по ушам, и я отнял бинокль от глаз. Ну куда турки лезут? Не понимают, что море теперь наше. Или они знают, что на борту этого мощнейшего линкора нахожусь я?

Присел в кресло. Демонстративно взял чашку кофе и отпил. Что? Бой идет? Морской и непредсказуемый? Раз деваться с корабля некуда, то принимаю данность. Взял бумаги, что были доставлены мне шустрой связной галерой, которая была таким гибридом, что еще и максимально нагружена парусами. Такие курсировали и сообщали каждый час, что происходит в Константинополе.

Доклады приходили один за другим: первая волна заняла порт, плацдарм расширяется, Суворов выгружает артиллерию, часть диверсионных групп продолжает работать в городе. По одному из сообщений, которое я пока отказывался принимать за истину, наши люди даже сумели проникнуть на территорию султанского дворца и закрепиться там.

Все шло почти слишком хорошо, а именно это всегда пугало меня больше всего. Впрочем это: “Потери приемлемые, сотни”. Вот что смущало очень сильно. Сотни... это много. Но и приз какой! Правда его еще предстоит взять.

Но когда сложная операция идет по плану, человек начинает верить, что контролирует происходящее. Потом приходит одно ядро, один приказ, который не дошел, один испуганный полковник, одна лошадь, понесшая не туда, — и вся великолепная конструкция рушится.

До Константинополя оставалось совсем немного.

Я уже позволял себе думать, что путешествие к Царьграду можно считать относительно безопасным. Конечно, потом в европейских газетах наверняка напишут о невероятной храбрости русского государя, лично вошедшего во вражескую столицу под огнем, и я не собирался их разубеждать.

Государю иногда полезно выглядеть храбрее, чем он есть, особенно если сам государь достаточно умен, чтобы не проверять эту храбрость ядром в живот. И словно в наказание за эту мысль впереди показались паруса. Сначала один большой, затем еще два, за ними четвертый. После короткого доклада наблюдателя сомнений не осталось: один турецкий линейный корабль, два фрегата и шлюп.

Откуда они взялись, оставалось только гадать. Возможно, отстали от османской эскадры, действовавшей у Варны, возможно, выполняли дальнюю разведку, а может быть, вообще не знали, насколько изменилась обстановка в Босфоре, и спокойно шли к столице. Неважно. Они оказались между нами и проливом.

Наш флагман шел впереди второй волны слишком далеко. Вот она, цена желания лично видеть все происходящее. Я приказал определить дистанцию и поморщился, услышав ответ. Далеко, но для наших новых орудий уже достаточно.

Приказ был прост: огонь по линейному кораблю, постараться сбить ход, в ближний бой не входить. Через несколько секунд корабль вновь вздрогнул, дальнобойное орудие выплюнуло огонь, и мы начали ждать. На таком расстоянии ожидание кажется вечностью. Возле турецкого линейного корабля поднялся всплеск — коротко.

Последовала поправка, затем второй выстрел, третий, и наконец капитан выкрикнул:

— Есть попадание! – слишком громко выкрикнул он.

Я повернул голову и увидел на его лице выражение, которое мне не понравилось. Не трусость. Скорее облегчение человека, впервые оказавшегося в настоящем бою и внезапно обнаружившего, что врага действительно можно убить.

Наш корабль был новым. Очень новым. И капитан тоже. Мы вырвались вперед, желая продемонстрировать возможности корабля, а теперь оказались первой целью для турок. К счастью, сзади уже появлялись пять русских вымпелов, шедших наперерез османской группе.

Наша задача изменилась: не победить самим, а связать противника, заставить его маневрировать, сбить ход и выиграть время, пока подойдут свои. Еще один разрыв произошел над турецкой палубой. Один из парусов был разорван, снасти висели клочьями, но куда важнее было движение внизу: люди бежали, нескольких вообще не было видно там, где они стояли минуту назад.

Если разрывной снаряд сработал над палубой правильно, турки должны были потерять немало команды. Линейный корабль начал отставать, а когда ему понадобилось довернуть, маневр получился вялым. Поврежденный рангоут, потери среди людей, неразбериха — все вместе.

Тут сзади ударили носовые орудия наших кораблей прикрытия. Пять вымпелов вступали в бой. Капитан посмотрел на меня, и я уже понимал, что он собирается спросить: он хотел остаться, хотел добить неприятеля, хотел участвовать в победе. Я покачал головой и приказал держать прежний курс. На лице мелькнуло разочарование.

— Государь, мы можем... — начал он, но я оборвал:

— Можем. Поэтому и не будем. Пять кораблей разберутся без нас. Наша задача — Константинополь.

Он замолчал, хотя по глазам было видно, насколько тяжело молодому моряку добровольно уходить от боя, в котором победа уже почти лежала перед ним.

Я снова посмотрел на турецкий линкор. Азарт — прекрасная вещь, если ты двадцатилетний лейтенант. Если ты император, азарт способен уничтожить государство. Шальная пуля не интересуется, сколько заводов ты построил, какие реформы задумал и насколько хорошо знаешь будущее.

Она просто входит в тело — и все. После этого мои враги скажут, что Господь покарал русского царя за гордыню, мои сторонники будут доказывать обратное, а Россия останется разбираться с последствиями. В этом времени пропаганда вообще слишком часто сводилась к одному простому доказательству: если Бог позволил тебе победить, значит, ты прав. Я не собирался предоставлять противникам подобный аргумент, поэтому флагман отвернул, а бой остался позади. Канонада еще долго шла следом, постепенно превращаясь из оглушительного грохота в далекий рокот.

Глава 5

Босфор.

9 апреля 1727 года.

Мы продолжали движение. Линейный 102-пушечный гигант “Мария Кантимир” двигался быстро, демонстрируя отличные мореходные палубы. Правда трещал нещадно, но это объясняли еще тем, что корабль молодой, так, мол, и должно быть. Не знаю... А Петр бы знал.

Да, я все больше, по чуть-чуть, но терял связь с реципиентом. Теперь уже можно сказать, что мое сознание вытесняет полностью чужое. Хорошо ли это? Наверное, да. Но как и многое хорошее, оно сопряжено с плохим, для баланса в жизни. Я терял и память предшественника.

Через несколько часов хода к Босфору пришел доклад: турецкий линейный корабль взят на абордаж, один фрегат потоплен, второй фрегат и шлюп отходят, за ними отправлена погоня. Я только кивнул. Участь османского отряда была предрешена с того момента, когда подошли наши корабли прикрытия.

Меня куда больше интересовала скорость, с которой я получил сообщение. Еще несколько лет назад подобный доклад пришел бы через час, через два или вообще не пришел бы. Теперь флот обладал системой сигналов, которой я действительно гордился.

Она не была чудом XXI века — никакой радиосвязи, разумеется. Флаги, фонари, ракеты, заранее составленные таблицы, оптические посты, но все это соединялось в систему и позволяло командующему хотя бы приблизительно понимать, что происходит за пределами видимости.

— Приготовьте крепкий кофе, – повелел я, понимая, что скорее спать хочу, чем что-то другое.

А императора должны видеть бодрым и сильным. Пусть боевой дух крепнет.

Капитан занимался своими делами, Макаров, секретарь, оказался подвержен морской болезнью и где-то блюет завтраком. Так что я, по обыкновению, погрузился в мысли.

Может преждевременно я решил, что полностью победил сознание Петра в себе? В иной жизни столько размышлений себе не позволял. Или время такое нынче? В будущем же как оно? Скорость! Большое расстояние? Самолет. Малое? Быстрый автомобиль. И нет столько свободного времени, чтобы еще и размышлять о многом. Еще и сотовая связь, которая постоянно держит в рабочем режиме. То котировки посмотреть, то новости, ответить подчиненным, прочитать высланный на электронную почту доклад. Нет и секунды покоя. Тут все иначе...

Так о чем это я? А! Оптический телеграф. То же самое с ним, или даже более системно, происходило на суше. Оптический телеграф постепенно покрывал европейскую часть империи, а мне хотелось большего — электрического.

Ученые Академии наук уже несколько лет ковыряли эту задачу по моему заказу. Я дал им несколько идей, которые помнил из школьной, жаль, что не из университетской физики. Не схемы, не чертежи — я не был человеком, способным из головы собрать телеграф. Но направление знал: электрический ток, провод, источник, замыкание цепи, сигнал.

Этого оказалось достаточно, чтобы умные люди начали думать. Проблема была даже не столько в самом приборе, сколько в России. Чтобы связать Петербург и Москву электрическим телеграфом, требовались сотни верст качественного провода: медь, изоляция, столбы, ремонт, охрана и промышленность, способная производить все это не в лаборатории десятками саженей, а тысячами верст. Вот этого пока не было и еще долго не будет.

Даже если ученые завтра положат мне на стол работающий аппарат, хотя с нынешний развитием исследований электричества очень странно, что смогут, но я не смогу покрыть изобретением империю. А если протяну первый провод, обязательно найдется предприимчи-

вый мужик, который решит, что медь висит вдоль дороги исключительно потому, что Господь послал ее ему на хозяйство.

Я невольно усмехнулся, представив первый телеграфный столб где-нибудь между Петербургом и Новгородом, с которого ночью аккуратно снимают половину провода, а утром местный староста с совершенно честными глазами клянется, что ничего не видел. Но смешного здесь было немного.

Техническая идея без промышленности оставалась игрушкой, а промышленность нельзя было создать одним царским указом. Нужны были рудники, заводы, химики, механики, квалифицированные рабочие и годы. Для одних направлений у нас всего этого уже достаточно. Но не для подобных завиральных идей.

Иногда знание будущего раздражало именно этим: ты прекрасно знаешь, что должно существовать, но не имеешь тысячи промежуточных ступеней, позволяющих это построить. Телефон... Радио...

— Ваше Императорское Величество!

Голос капитана вырвал меня из размышлений. Он показывал вперед, и я поднял бинокль. Над крепостью, воротам в Босфор, развевалось белое полотнище с синим крестом. Андреевский флаг.

Несколько секунд я просто смотрел, не говоря ни слова. Вот оно. Получилось. Румелихисар действительно был наш. Капитан повторил доклад, и теперь в его голосе звучало почти мальчишеское ликование. Я посмотрел на него внимательнее.

Харитон Лаптев — молодой, чересчур молодой для такого корабля, по мнению почти всего Адмиралтейства. Даже генерал-адмирал Крюйс однажды позволил себе спорить со мной, утверждая, что я доверяю один из лучших кораблей флота человеку, которому еще следовало несколько лет, а лучше так и десять, и то, если я так сильно желаю его возвысить, походить помощником капитана. Возможно, старик был прав, поэтому я и дал Лаптеву в помощники опытного датчанина, поступившего на русскую службу и на удивление быстро освоившего язык.

Но ничего не мог с собой поделать. К некоторым фамилиям у меня сохранялось совершенно иррациональное отношение. Лаптев. Суворов. Беринг. Чириков.

Люди, которых я когда-то знал только по книгам и картам, теперь стояли рядом — живые, молодые, еще не совершившие того, за что их будут помнить потомки. Иногда мне хотелось дать им шанс раньше, чем его дала настоящая история. Опасная привычка, особенно для государя, потому что знание знаменитой фамилии еще ничего не говорило о человеке, стоявшем перед тобой сейчас. Великий сын не гарантировал великого отца, будущий путешественник мог оказаться плохим капитаном, а герой учебника — погибнуть от первой же случайной пули. Но пока эта привычка оправдывалась.

С другой стороны, я же знаю, что они способны к преодолению, свершениям, обладают исключительно сильными характерами. А это уже немало.

Корабль внезапно резко накренился, и я схватился за поручень. Босфор напомнил, что даже победив турок, русские еще не победили море. Течение здесь было коварным: узкий пролив заставлял огромную массу воды ускоряться, берега ломали направление, ветер добавлял свое.

Нас заметно снесло к азиатской стороне. Матросы бросились к снастям, команды посыпались одна за другой, несколько неприятных минут корабль шел совсем не туда, куда требовалось, потом его наконец выровняли. И только тогда впереди стала видна очередь — самая настоящая очередь из десятков русских судов, казалось, что и сотен.

Военные корабли, транспорты, торговые суда, галеры, небольшие посыльные лодки — каждый хотел разгрузиться, каждому требовалось место у причала. Порт, который еще утром принадлежал султану, теперь работал на русскую армию: одни корабли подходили, другие раз-

гружались, третьи отходили ближе к Мраморному морю, освобождая место следующим. Все двигалось, грохотало, кричало, жило.

Над Константинополем висел дым, причем уже не образный, а настоящий. В нескольких местах город горел настолько сильно, что даже отсюда были видны языки пламени. Пушки продолжали стрелять, где-то рвались снаряды, по воде несло обломки.

Я вдруг почувствовал тревогу — не страх за операцию, а страх за сам город. Константинополь был слишком велик, слишком прекрасен и слишком важен, чтобы позволить ему сгореть. Даже каменный город можно уничтожить огнем: внутри домов дерево, крыши, перекрытия, склады, масло, ткани, смола. Один пожар рождает второй, второй — третий, а в городе, где десятки тысяч людей бегут, воюют, спасаются и грабят, тушить становится некому. Если сейчас огонь выйдет из-под контроля, победителю может достаться не столица, а обугленная развалина.

Но поверх тревоги поднималось другое чувство. Сердце билось быстрее. Еще час, может быть, два — и я ступлю на землю Царьграда. Того самого Константинополя, о котором русские князья мечтали задолго до появления Российской империи.

Можно было вспомнить Вещего Олега и его щит на вратах Царьграда. Красивый образ, настолько красивый, что именно поэтому опасный. Я заставил себя отвернуться от города и посмотреть на палубу — на матросов, на пушки, на людей, которые еще могли сегодня умереть.

Нельзя примерять шкуру медведя, пока тот жив. А этот медведь был не просто жив: он был ранен, разъярен и загнан в собственную берлогу. Впереди оставалось слишком много работы, слишком много крови и слишком много способов проиграть уже почти выигранную битву.

Да с чего это я благородного, нашего, русского, Мишку, использую для образа турок. Нет, это как раз медведь пришел в логово к волку и бедная псина...

***

К вечеру Константинополь уже нельзя было назвать единым городом, по крайней мере я его таким больше не воспринимал. Он и без того был городом контрастов и сейчас я это отчетливо вижу. А сейчас, когда вся столица османов, рискующая уже скоро перестать быть таковой, наполнилась множеством мелких сражений... Когда за каждый дом, улицу, квартал, шли упрямые бои, город казался уже даже не лоскутным одеялом, а разорванным на лоскуты.

Каждый бой – своя история, свой фронт, свои победители и проигравшие. Это отдельный драмы и трагедии, когда погибали не только защитники или мои штурмовики, но и мирные. Это на моей совести, мой крест.

Но иначе ведь нельзя? Нет... Иначе, когда смотреть за тем, чтобы какой дом не обвалился, не устанавливать фугасы, чтобы остановить атаку турок, чтобы не жечь огнем янычар, даже если от дыма и гражданские пострадают... Все это в таком случае не имело бы смысла. Тогда собираться и возвращаться восвояси. Крест... выдержит ли моя спина такую тяжесть?

Но останавливать штурм города, даже если это бы и пришло мне в голову, категорически нельзя. Уже и русской крови тут много.

Где-то наши прошли за час едва ли две сотни саженей и теперь не могли выбить янычар из большого каменного дома, превращенного в маленькую крепость; где-то штурмовая группа проскочила несколько улиц почти без сопротивления, захватила перекресток и только потом обнаружила, что слишком далеко оторвалась от соседей и теперь сама едва не оказалась в окружении.

Над крышами поднимались десятки столбов дыма, постепенно соединяясь в одну мутную пелену, через которую заходящее солнце просвечивало тусклым багровым пятном. Грохот пушек уже почти не воспринимался чем-то особенным, к нему привыкли, как привыкают к грозе, если она продолжается целый день.

Страшнее были другие звуки: частая ружейная пальба совсем рядом, треск горящих домов, колокольный звон в христианских кварталах, крики муэдзинов, неустанно призывающих правоверных к мести, вопли раненых и тот особый гул огромной людской массы, который невозможно спутать ни с чем.

Миллионный, как мне казалось сейчас, город сходил с ума, и посреди всего этого безумия высоко над дымом висели два наших наблюдательных шара, почти неподвижные на фоне вечернего неба.

Именно они давали нам то преимущество, о котором военачальник моего времени мог только усмехнуться, но которое для восемнадцатого века было почти чудом.

Тут же я, вместе с генералом Суворовым, получали актуальную информацию. Штабные офицеры двигали фигурки по огромной карте Константинополя. Все менялось очень быстро. И перелома в этой бойне пока что не было видно. Слишком уж ожесточенное сопротивление мы получали. Признаться, но неожиданно.

В порту продолжали высаживаться русские бойцы. Другие, после сложных сражений, возвращались в порт, в размещенные тут, как и на кораблях, лазареты. Уже наполовину были заполнены все большие мощности нашей медицины. Это много, очень много раненных.

Но сражение продолжалось. Полки, только что соединившиеся после высадки, тут же распадались на батальоны, батальоны — на роты, а вперед уходили небольшие штурмовые группы. Одни занимали перекресток, другие очищали выходящие на него дома, третьи двигались дальше, пока предыдущие закреплялись.

Лучших стрелков немедленно поднимали на крыши и колокольни. Иногда приходилось разбирать черепицу, иногда пробивать бойницы прямо в стенах, но через несколько минут захваченный дом превращался в опорную точку.

Сверху стрелки контролировали улицу, били по офицерам и знаменщикам, прикрывали продвижение своих и, главное, предупреждали о том, чего снизу никто увидеть не мог. Один хороший стрелок на крыше временами приносил больше пользы, чем взвод на мостовой, а несколько занятых домов позволяли держать под огнем целый квартал.

Мы вообще старались не занимать город сплошь — для этого не хватило бы и ста тысяч человек. Вместо этого Константинополь постепенно опутывался сетью наших опорных пунктов. Перекрестки, площади, большие каменные дома, склады, караван-сараи, удобные выходы к набережным становились маленькими крепостями.

Между ними оставались улицы, куда наши еще не заходили, а иногда и целые переулки с турками, но если неприятель оказывался отрезан от основных сил и не мешал продвижению, им занимались позднее. На захваченные узлы подтаскивали кухни, воду, перевязочные материалы, там собирали раненых, туда же ставили резерв.

На наиболее опасных направлениях появлялись картечницы — наверное, самое страшное оружие, которое я сумел подарить этой войне, хотя до настоящей митральезы ему было еще далеко. Никаких унитарных патронов, никакой металлической гильзы, никакой фантастической скорострельности будущего: несколько стволов на общем станке, каждый из которых приходилось заряжать обычным способом.

После залпа расчету требовалось время, и именно поэтому таскать такую машину вперед вместе с атакующей пехотой было бессмысленно. Зато на перекрестке, у ворот или в конце длинной улицы, где противник сам должен был выйти под огонь, она могла одним залпом остановить атаку. Турки это уже поняли и теперь старались прежде всего уничтожить расчеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.